

К проблеме эквивалентных преобразований семантико-синтаксической структуры текста в практике перевода

Уржа Анастасия Викторовна, к.ф.н.,
кафедра русского языка филологического факультета МГУ

Объектом исследования, положенного в основу доклада, стали семантические эффекты преобразования синтаксической структуры художественного текста в ряде его переводов. В современной синтаксической науке текст изучается как структурированная совокупность минимальных носителей предикативных смыслов, среди которых рассматриваются и элементы со «связанными», потенциальными предикативными характеристиками: причастия, деепричастия, инфинитивы, девербативы. Оригинальный текст и его переводные варианты могут быть сопоставлены в аспекте сохранения или изменения количества предикативных единиц, выражаемых в них предикативных значений и, как следствие, характера их таксисных отношений. Понятие таксиса было исследовано вначале на материале зависимых «полупредикативных» форм [Якобсон 1957 (1972)], затем рассмотрено в различных способах реализации «временного отношения между действиями» в рамках полипредикативного комплекса [Теория функциональной грамматики 1987] и расширено до соотношения значений всех компонентов предикативности (времени, модальности и лица), присущих предикативным единицам в тексте [Коммуникативная грамматика 1998].

Переводное произведение, в котором композиционная стратегия англоязычного автора отражена сквозь призму языковой интерпретации русского переводчика, представляет особый интерес для исследований таксисной организации текста. Различия оригинала и перевода (или ряда переводов) в воплощении движения художественного времени, смены точек зрения и способов отображения действительности теснейшим образом связаны с изменениями (вынужденными или произвольными) параметров соотношения предикативных признаков с точки зрения одновременности или разновременности, а также моно- или полимодальности (предикативные признаки воплощаются в переводах в рамках одного или разных модальных значений), моно или полиперсональности (ситуация представлена путем приписывания предикативных признаков одному или разным субъектам). Временные отношения между предикатами воплощают следование событий сюжета и отражают временную позицию повествователя (или говорящего персонажа) по отношению к сообщаемому. Соотношение модальных значений свидетельствует об изменяющемся характере представления действительности говорящим, сопровождает реализацию его коммуникативных интенций. Персональные отношения указывают на чередование субъектов диктума и модуса, характеризующихся в рамках той или иной точки зрения в произведении.

Автором доклада был проведен сопоставительный анализ переводных и оригинальных текстов, ориентированный на проверку гипотезы о том, что залогом эквивалентности преобразования полипредикативных конструкций в переводе является сохранение количества предикативных единиц, «соединяющих свои потенции в единой структуре», выражаемых в них предикативных значений и, как следствие, характера их таксисных отношений [Коммуникативная грамматика 1998: 224]. Анализ текстов (в качестве материала были взяты 52 перевода четырех рассказов Э. По и трех сказок О. Уайльда) показал, что в большинстве случаев данные характеристики конструкций при переводе действительно **сохраняются**, независимо от перераспределения границ предложений и предпочтения личных форм глагола, деепричастий или девербативов для обозначения событий.

Однако существует и ряд регулярных отклонений от описанной закономерности. Важной задачей было проследить, как именно при тех или иных изменениях нарушается эквивалентность значений оригинальной и переводной конструкции и меняется смысл текста.

Наиболее серьезные изменения структуры подлинника в плане несоблюдения количественного соответствия предикативных единиц связаны в переводах Э. По и О. Уайльда с изъятием или добавлением оборотов, реализующих точку зрения повествователя, поскольку проявление его «голоса» является важным элементом организации повествования у обоих авторов. (Ср.: *"I went below - not without a full presentiment of evil."*: «Я сошел вниз в предчувствии какой-то беды» / *Я сошел вниз и, **должен сказать**, в душе у меня было полное предчувствие беды»).

Перевод, искажающий соотношение временных или модальных значений предикатов в конструкции, нередко отражает не речь персонажа или повествователя, а его намерения или реальные характеристики ситуации (скрытые в «подтексте» автором и истолкованные переводчиком). Ср: *'I have given you my wheelbarrow, and now you are going to give me your plank'*: «Я **подарил** тебе мою тачку, а ты **хочешь подарить** мне свою доску» / *«Вот я **подарил** тебе тачку, а ты **подари** мне свою доску». В сказке Уайльда Мельник, пообещав Гансу свою разбитую тачку, хочет вынудить его отдать доску для починки сарая. Он искажает ситуацию в своих интересах: выдает обещанное за совершившееся и сам за Ганса формулирует ответное намерение так, чтобы ему было неудобно отказать. Второй перевод эксплицирует истинное намерение Мельника – так, как его понял переводчик. Аналогичная ситуация наблюдается и в случае изменения при переводе персональных таксисных отношений в конструкции (Ср. определение виновника размолвки в вариантах: *"I am afraid that I have annoyed her"*: «Боюсь, что я **обидела** ее» / «Боюсь, она на меня **обиделась**»).

Помимо произвольных нарушений подобного рода (более многочисленных, чем ожидалось) изменения параметров таксисных отношений оригинала могут быть обусловлены возможностью их **неоднозначного толкования**. Среди таких случаев – необходимость «прояснения» временных значений связанных предикативных единиц (*'You seem not to learn anything'* – «ты, кажется, ничему не научился» / «не учишься» / «не научишься»), соотношения «накладывающихся друг на друга» по времени физических и речевых действий персонажей (*'...demanded the king, turning to the dwarf'* – «спросил король, поворачиваясь к карлику» / «повернувшись к карлику»), возможность двоякой интерпретации значений предикатов оригинала как итеративных / неитеративных (*asked* – спрашивал / спросил) или процессуальных / результативных (*said* – говорил / сказал) в случаях, где дополнительные указатели на характер действия отсутствуют. Выбор другого субъекта предложения возможен при наличии конверсных отношений между актантами: «никому ничего не стану дарить / никто у меня ничего не получит».

Таким образом, таксисные отношения в переводе не просто подвергаются языковому преобразованию и оформлению, они представляют результат взаимодействия композиционной стратегии автора и интерпретационной стратегии переводчика, и именно на этом «микротекстовом» уровне закладываются художественные особенности каждого переводного варианта. Разбор примеров адекватного перевода свидетельствует о сохранении семантики таксисных отношений (при возможности их различного оформления с использованием синонимических средств языка) в полипредикативных конструкциях. Обнаруженные отклонения от этой тенденции в переводах О. Уайльда и Э. По обусловлены субъективным представлением переводчика о том, как художественная реальность должна быть представлена в оригинале, выявлением и акцентированием художественных смыслов, потенциально заложенных в содержании подлинника.